

Булавки. Ги де Мопассан

— Ах, дружище, что за стервы эти женщины!

— А что?

— Они сыграли со мной прескверную шутку.

— С тобой?

— Ну да, со мной.

— Одна женщина или несколько?

— Две.

— Сразу две?

— Да.

— Какую же шутку?

Двое молодых людей сидели перед большим кафе на бульваре и потягивали разбавленный водкой ликер — напиток, похожий на настойки из акварельных красок всех оттенков.

Они были приблизительно одного возраста: лет двадцати пяти — тридцати. Один блондин, другой брюнет. Оба отличались известной элегантностью, свойственной так называемым биржевым зайцам, которые толкуются и на бирже и в гостиных, бывают всюду и всюду заводят любовные интрижки.

Брюнет продолжал:

— Ведь я рассказывал тебе о той красотке, с которой завязал интрижку на пляже в Дьеппе?

— Рассказывал.

— Милый мой, ты знаешь, как это случается. В Париже у меня есть постоянная любовница, давнишняя привязанность, верная подруга, — словом, привычка, и я очень ею дорожу.

— Своей привычкой?

— И привычкой и ею самой. Она замужем за прекрасным человеком, его я тоже очень люблю — славный малый, сердечный, настоящий товарищ! Словом, в этом доме я нашел тихую пристань.

— И что же?

— Да то, что эта чета не могла выехать из Парижа, и я очутился в Дьеппе вдовцом.

— Зачем понесло тебя в Дьепп?

— Проветриться. Нельзя же все время околачиваться на бульварах.

— Ну?

— И вот я встретил на пляже ту милашку, о которой тебе говорил.

— Жену правителя канцелярии?

— Да. Она очень скучала. Муж ее приезжал только по воскресеньям. К тому же он препротивный. Я прекрасно ее понимаю. Ну и вот, мы с ней веселились и танцевали.

— И все прочее?

— Было и это, попозже... Словом, мы встретились, понравились друг другу, я ей это высказал, она заставила повторить, чтобы как следует понять, и уступила без всяких фокусов.

— Ты влюбился в нее?

— Да, немножко, она очень мила.

— А другая?

— Да ведь та была в Париже! Словом, полтора месяца все шло прекрасно, и мы вернулись сюда в самых лучших отношениях. Разве можно порвать с женщиной, если она ни в чем перед тобой не провинилась?

— Конечно, можно.

— Как же ты поступаешь?

— Бросаю ее.

— Но как ты это устраиваешь?

— Не хожу к ней, вот и все.

— А если она придет к тебе?

— Я... Ну, меня не будет дома.

— А если придет еще раз?

— Скажу, что нездоров.

— А если начнет за тобой ухаживать?

— Тогда... пошлю ее к черту.

— А если она стерпит?

— Напишу анонимное письмо мужу, чтобы он следил за ней в дни наших свиданий.

— Вот здорово! У меня нет такой выдержки. Я не умею порывать с женщинами. Я их совмещаю. С одними встречаюсь раз в год, с другими — раз в десять месяцев, с некоторыми — при получке жалованья, с прочими — в те дни, когда им придет охота пообедать в кабачке. Те, кому я уже составил расписание, меня не стесняют, но с новыми нередко бывает уйма хлопот прежде, чем я приучу их посещать меня пореже.

— Ну, что же дальше?

— Итак, милый друг, маленькая чиновница была вся огонь, вся пламя, без единого недостатка, как я уже сказал тебе. Ее муж целый день сидит в канцелярии, и она вздумала было являться ко мне без предупреждения. Раза два она чуть не столкнулась с моей прежней подругой.

— Ах, черт!

— Да. После этого, во избежание путаницы, я назначил каждой особе, строго определенные дни: понедельник и субботу — для прежней; вторник, четверг и воскресенье — для новенькой.

— Почему такое предпочтение?

— Ах, голубчик, она моложе!

— Значит, у тебя оставалось только два дня в неделю для отдыха?

— Мне достаточно.

— Молодчина!

— И все же, представь, со мной случилась самая нелепая, самая дурацкая история. Четыре месяца все шло превосходно. Я и в ус себе не дул и, право же, был очень счастлив; и вдруг в прошлый понедельник все летит к чертям!

Я подждал свою прежнюю любовницу в назначенное время, в четверть второго, покуривая хорошую сигару.

Очень довольный собою, я предавался мечтаниям, как вдруг заметил, что назначенное время уже прошло. Я удивился, зная, что она очень аккуратна, но объяснил это случайным опозданием. Однако прошло полчаса, потом час, полтора часа, и я понял, что ей что-то помешало, может быть, мигрень или докучный посетитель. Ужасно досадны эти... напрасные ожидания, ужасно досадны, просто невыносимы. В конце концов я примирился с судьбой, вышел из дому и, не зная, что предпринять, отправился к ней.

Я застал ее за чтением романа.

— Что случилось? — спросил я.

Она спокойно ответила:

— Милый друг! Я не могла, мне помешали.

— Что помешало?

— Так... Разные дела.

— Но... Какие же дела?

— Один скучный гость.

Я решил, что она скрывает от меня настоящую причину, но, видя ее спокойствие, быстро забыл об этом. Я рассчитывал наверстать потерянное завтра, с другой.

Итак, во вторник, в большом волнении, страстно влюбленный, я поджидал маленькую чиновницу и даже досадовал, что она не приходит раньше условленного часа. Каждую минуту я глядел на часы, с нетерпением следя за стрелкой.

Стрелка показала четверть, потом половину, потом два часа... Я не мог усидеть на месте, ходил взад и вперед по комнате, прижимался лбом к стеклу, ухом к двери, прислушивался: не подымается ли она по лестнице?

Вот уже половина третьего, наконец три часа! Я хватаю шляпу и бегу к ней. Представь себе, она читала роман!

— Что случилось? — воскликнул я в тревоге.

Она ответила так же спокойно, как моя старая подруга:

— Дорогой! Я не могла, мне помешали.

— Что помешало?

— Так... Разные дела.

— Но... какие же дела?

— Один скучный гость.

Разумеется, я сразу заподозрил, что она знает все; однако она казалась такой кроткой, такой безмятежной, что в конце концов я отбросил свою догадку и поверил в странное совпадение, не считая ее способной на подобное притворство. В течение часа мы вели дружескую беседу, причем к нам раз двадцать врывается ее маленькая дочка. Потом я ушел, крайне раздосадованный.

И представь себе, на следующий день...

— Произошло то же самое?

— Да... И на другой день то же. И так продолжалось три недели без всякого объяснения, без малейшего намека на причину их странного поведения; однако я стал догадываться, в чем дело.

— Они все узнали?

— Ну да, черт бы их взял! Но каким образом? Ах, сколько мучений я вытерпел, прежде чем все понял!

— Как же ты узнал наконец?

— Из писем: они обе в один и тот же день, в одинаковых выражениях дали мне окончательную отставку.

— Ну?

— Ну так вот... Ты знаешь, дружище, что женщины вечно таскают на себе целую уйму булавок и заколок. Шпильки в волосах — к этим уж я привык, остерегаюсь их и боюсь как огня, но есть другие, гораздо более коварные, проклятые булавочки с черной головкой; нам-то, болванам, они кажутся совершенно одинаковыми, но женщины прекрасно их различают, как мы отличаем лошадь от собаки.

Словом, моя маленькая чиновница, очевидно, забыла у меня такую предательскую штучку, воткнув ее в драпировку у зеркала.

Моя старая подруга с первого взгляда обнаружила на материи эту черную точку величиной с блоху и, не говоря ни слова, вытащила ее и воткнула на ее место свою булавку, тоже черную, но другого образца.

На следующий день чиновница хватилась своей заколки и сразу же заметила подмену; тут у нее явилось подозрение, и она воткнула две булавки, крест-накрест.

Моя любовница ответила на этот телеграфный знак, воткнув три черных шарика один над другим.

Таким способом они продолжали сноситься между собою, без слов, выслеживая друг друга. Потом моя старая подруга, более решительная, обернула острие булавки тоненькой бумажкой, на которой написала: «До востребования, бульвар Мальзерб, С. Д.».

Они обменялись письмами. И я пропал. Ты сам понимаешь, что на этом они не остановились. Они действовали осмотрительно, со множеством уловок, со всею осторожностью, необходимой в подобном случае. Затем моя прежняя любовница сделала смелый шаг и назначила свидание той, другой.

О чем они беседовали — понятия не имею! Знаю только, что мне дорого обошелся их разговор. Вот какие дела!

— Это все?

— Все.

— Ты с ними больше не видишься?

— Да нет, я продолжаю с ними видеться, но только как друг; мы не совсем порвали отношения.

— А между собою они встречаются?

— Как же, дорогой мой, они стали закадычными приятельницами.

— Так, так! А это не наводит тебя на мысль?

— Нет, а на какую?

— Ах ты балда! Да заставь же их снова втыкать булавки по очереди!

Примечания

Напечатано в «Жиль Блас» 10 января 1888 года.